

ОТВЕТСТВЕННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ: МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ И ТРЕНДЫ ПРОЗРАЧНОСТИ ВЕДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ¹

А. Д. Левашенко, И. С. Ермохин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития
Российской Федерации, Москва, Россия

Ответственное финансирование давно перестало быть узкой нишей финансового рынка и вовлекает все больше ответственных финансовых институтов и компаний, заинтересованных в доступе к ответственным финансовым инструментам. Базовое условие для ответственного финансирования – это владение полной достоверной информацией о нефинансовых показателях потенциального объекта для инвестирования. Поэтому нефинансовая отчетность стала неотъемлемым элементом развития ответственного финансирования в мире. В статье авторами анализируются основные действующие международные инструменты по ответственному финансированию и раскрытию нефинансовой информации. Дана характеристика этапов формирования института ответственного финансирования. Отдельно рассмотрено регулирование ответственного финансирования и нефинансовой отчетности в Европейском союзе, а также в российском законодательстве. Сегодня на международном финансовом рынке наблюдается значительный спрос не только на создание систем стандартов нефинансовой отчетности, но и на гармонизацию проектов стандартов, поскольку все системы стандартов отчетности оперируют одними и теми же понятиями. В статье в качестве примера исследуется недавняя инициатива МСФО по созданию Совета по стандартам устойчивости. Приводится обзор законодательных и регуляторных шагов к введению нефинансовой отчетности в России. Тем не менее приходится делать вывод об отсутствии стандарта раскрытия нефинансовой информации компаниями в России. Высказываются предложения по развитию в России ответственного финансирования посредством формирования законодательства в этой области.

Ключевые слова: ответственное финансирование, нефинансовая отчетность, МСФО, изменение климата, международные неправительственные организации.

RESPONSIBLE FINANCING: INTERNATIONAL STANDARDS AND TRANSPARENCY TRENDS IN DOING BUSINESS

Antonina D. Levashenko, Ivan S. Ermokhin

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

The Russian Foreign Trade Academy of the Ministries Economic Development
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Responsible financing has ceased to act as a narrow niche of finance market and today it involves more and more responsible finance institutions and companies interested in access to responsible finance tools. The basic condition for responsible financing implies availability of full trustworthy information about non-financial figures of the potential project for investment. Thus non-financial accounting has become an integral element of the responsible

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

financing development in the world. The authors analyze key effective international tools on responsible financing and revealing non-financial information. They give characteristics of stages in shaping the institution of responsible financing. Apart from that they study regulation of responsible financing and non-financial accounting in the EU and Russian law. Today on international finance market we can observe a considerable demand both for developing systems of non-finance accounting standards and harmonization of draft standards, as all accounting standard systems use one and the same notions. The article investigates as an example a recent initiative of MSFO concerning setting-up the Council on sustainability standards. However, we should state the absence of the standard concerning revealing non-finance information by companies in Russia. Proposals were put forward about the development of responsible financing in Russia by making-up legislation in this field.

Keywords: responsible financing, non-finance accounting, MFSO, climate change, international non-governmental organizations.

Тренд на ответственное финансирование, т. е. предоставление финансирования проектам, учитывающим социальные, экологические и иные риски, стал актуальным после 2015 г., когда страны и международные организации стали разрабатывать пути для достижения целей устойчивого развития и целей Парижского соглашения. При этом содержательно термин «ответственное финансирование», вместо которого использовали «*impact financing*», «социальное инвестирование» и др., стал использоваться еще в 1960-х гг. в странах ОЭСР [7]. Так, например, в США во время вьетнамской войны протестующие против войны потребовали, чтобы эндаумент-фонды университетов больше не инвестировали в оборонных подрядчиков. В процессе борьбы за «чистоту» использования финансов возникали и другие ситуации. Например, в 1977 г. Конгресс принял Закон о реинвестировании общин, который запрещал дискриминационную практику кредитования в районах проживания с низким доходом [3].

Кроме того, в 1976 г. была принята Декларация ОЭСР о международных инвестициях и многонациональных предприятиях. Декларация включала стандарты ответственного ведения бизнеса, которые изначально применялись международными компаниями. Однако впоследствии стандарт был распространен и на другие компании, в том числе и на финансовые предприятия.

В 2006 г. были опубликованы Принципы ответственного инвестирования Организации Объединенных Наций (UN PRI), в

результате чего активы подписавших сторон составили 45 трлн долларов. Положив начало развитию ответственного финансирования, страны ОЭСР и другие государства продолжили развитие стандартов такого финансирования. После принятия Целей устойчивого развития ООН в 2015 г. была также принята Аддис-Абебская программа действий третьей Международной конференции по финансированию развития, которая подтвердила необходимость дальнейшего развития стандартов ответственного финансирования. Парижское соглашение 2015 г. усилило фокус государств на экологическую повестку финансирования, в каком-то смысле обострив потребность в ответственном финансировании. Однако для проведения финансовой организацией политики ответственного финансирования требуется наличие данных о деятельности компаний и предприятий [6]. В зависимости от вида финансирования (корпоративное кредитование, проектное финансирование, приобретение финансовых инструментов) банкам и другим организациям требуется различная информация. Стандарты раскрытия такой информации различаются. Тем не менее одним из ключевых инструментов получения информации с целью оценки компаний для финансирования является нефинансовая отчетность [8]. На сегодняшний день Европейский союз выступает лидером в сфере регулирования раскрытия нефинансовых рисков, разрабатывая стандарты, которые затем становятся международными. Текущую повестку ЕС можно разделить на два тематических бло-

ка: развитие института нефинансовой отчетности, включающего как законодательные, так и рекомендательные инструменты повышения транспарентности; и развитие устойчивого финансового рынка, охватывающего различные инструменты продвижения концепции устойчивого развития на уровне участников финансового рынка, финансовых продуктов, иных частных и публичных лиц.

Датой отсчета в истории института нефинансовой отчетности в ЕС считается принятие Директивы 2014/95/EU о раскрытии нефинансовой информации и информации о диверсификации (Директива NFRD). По оценке экспертов ЕС, Директива оказывает влияние в нескольких аспектах: обеспечивает повышение прозрачности, что выражается как количественно, так и качественно; способствует повышению производительности компании; стимулирует повышение корпоративной ответственности, поскольку система оценки рисков перестает быть замкнутой; повышает эффективность рынков капитала; повышает административную нагрузку, поскольку дополнительные расходы связаны с составлением, публикацией, специальным обучением персонала или сбором данных.

В соответствии со статьей 19а Директивы 2014/95/EU европейские компании должны раскрывать 5 типов нефинансовой информации, в том числе бизнес-модель, корпоративные политики, основные риски, основные показатели эффективности. Под требования Директивы подпадают компании с более чем 500 сотрудников, штаб-квартирой в ЕС, представляющие общественный интерес. Иностранные компании, работающие на территории стран ЕС через постоянные представительства, не подпадают под требования Директивы. В годовую отчетность включается информация о политике компаний, которую они проводят в отношении защиты окружающей среды, социальной ответственности, прав человека, борьбы с коррупцией и взяточничеством, разнообразия

в советах директоров компании (с точки зрения возраста, пола, образования и профессиональной подготовки). Информация может быть как фактологической (например, принята такая-то стратегия), так и оценочной в формате KPI (количество потребленной и сэкономленной энергии).

Еврокомиссия или ее специальные рабочие группы не публиковали сводных отчетов по первым результатам проведения отчетности компаниями в 2018 г. Тем не менее в 2019 г. НКО «Альянс за корпоративную транспарентность» провела анализ 1 000 нефинансовых отчетностей, подготовленных в соответствии с Директивой NFRD за первый год действия обязательств по отчетности в 28 государствах – членах ЕС (на тот момент включая Великобританию). Согласно собранным данным наиболее популярными стандартами отчетности являются стандарты GRI (54,1%), национальные стандарты (53%), стандарты отчетности ООН по ЦУР (39,1%), Глобальный договор ООН (36,8%), стандарты МОТ (27,5%). Статистика о приоритизации нефинансовых аспектов деятельности компании называет наиболее важными изменение климата (указывают 24,9% компаний), охрану экологии (23,9%) и вопросы труда (23,8%). Реже всего в приоритет ставятся вопросы корпоративной этики и антикоррупционной политики (назвали 16,4% компаний) и вопросы должной осмотрительности в отношении прав человека (14,4%). В отчете НКО также подсчитано, какие реальные шаги предпринимают компании по проблемным аспектам своей деятельности. Так, 69,8% компаний сообщают о процедурах управления отходами; 34,5% компаний раскрывают информацию о проведении экологической политики в части предотвращения изменения климата; 21,9% – политики по соблюдению прав человека; 19,7% – политики по прозрачности и предотвращению коррупционных рисков. Таким образом, компании основывают свою отчетность на международных стандартах, разработанных, как правило, индустрией, и реализуют положения Директивы. При этом к ключе-

вым рискам компании относят вопросы изменения климата и экологии.

Потребность в большей информации для оценки экологических, в том числе климатических, рисков отмечается не только компаниями ЕС. Так, например, в сентябре 2020 г. Фонд МСФО опубликовал консультационный документ для того, чтобы определить, существует ли спрос на глобальные стандарты раскрытия информации по нефинансовой устойчивости и будет ли поддержан вклад Фонда в их разработку¹. В документе отмечается, что в рамках неформального обсуждения с представителями сообществ инвесторов, центральных банков, регуляторами, нормотворческими органами, компаниями-аудиторами и др. представители Фонда пришли к выводу, что все заинтересованные стороны разделяют общую идею: существует острая необходимость в повышении согласованности и сопоставимости отчетности в сфере устойчивого развития, что будет полезно и для инвесторов, и для более широкой аудитории в контексте борьбы с изменением климата [10].

По итогам неформальных обсуждений было решено, что лучшим вариантом действий для МСФО будет создание Совета по стандартам устойчивости (SSB) под управлением Фонда для формирования и внедрения глобальных стандартов устойчивости. Работа по созданию Совета будет поддержана в случае удовлетворения ряда условий: достаточного уровня поддержки со стороны глобальных регуляторов, государственных органов, заинтересованных участников рынка; адекватности структуры управления; необходимого уровня отдельного финансирования и возможности получения финансовой поддержки и т. д. Обязательность исполнения будет определена на уровне национального законодательства стран.

Несмотря на то, что внедрение стандартов нефинансовой отчетности пока на стадии проектной задумки, МСФО предвари-

тельно определен собственный подход к отчетности в сфере устойчивого развития: в качестве основного приоритета МСФО рассматривает разработку глобальных стандартов отчетности, связанных с климатом (отчетность по климатической информации). Остается открытым вопрос о том, что считать климатической информацией: такая информация может касаться только изменений климата и выбросов парниковых газов либо учитывать более широкие экологические факторы и связанные с ними финансовые риски. Помимо климатической информации МСФО рассматривает экологические аспекты в качестве приоритетных для установления стандартов раскрытия информации. Отдельные организации в комментариях к Фонду также отмечали, что МСФО необходимо комплексное внедрение стандартов раскрытия информации по экологической, социальной и управленческой устойчивости, поскольку данные аспекты взаимосвязаны и раскрытие информации по отдельным критериям не будет способствовать достижению целей такого раскрытия. Однако в отношении социальных и иных аспектов отмечается, что Совет может также со временем расширить свою работу, чтобы сосредоточиться на других приоритетах, помимо конкретных климатических или экологических проблем, по мере изменения спроса. В настоящее время МСФО считает приоритетным запрос на экологический аспект нефинансовых рисков, оставляя иные аспекты как возможные для учета в будущем.

Интересно также отметить, что нет окончательного решения по поводу того, как МСФО будет рассматривать нефинансовые риски. Известно, что стандарты МСФО основаны на концепции финансовой существенности (*materiality*), т. е. сосредоточении внимания на информации, которая может повлиять на решения инвесторов или других пользователей финансовой отчетности, заинтересованных в результатах деятельности и долгосрочном здоровье отчитывающейся организации

¹ URL: <https://www.ifrs.org/groups/trustees-of-the-ifrs-foundation/>

[4]. В этой связи некоторые заинтересованные стороны указали, что Фонд должен сделать акцент на предоставлении информации о влиянии соответствующих событий (например, изменения климата) только на отчитывающуюся организацию, поскольку это является частью существующего мандата организации. Однако другие заинтересованные стороны приветствуют разработку стандартов по принципу двойной существенности, т. е. оценки влияния деятельности организации на окружающую среду с точки зрения вопросов, которые являются существенными для более широкого круга заинтересованных сторон, а не только инвесторов [9].

Так или иначе на сегодняшний день ключевая международная организация, создающая стандарты раскрытия финансовой отчетности, сформировала понимание о необходимости стандартизации нефинансовых рисков и отчетности по ним. Это указывает на общее понимание ситуации – нефинансовые риски являются частью и важным аспектом жизни компаний [5]. В международной практике отсутствуют единые подходы к раскрытию информации по таким рискам, что не позволяет управлять ими, а также определять, что является ответственным финансированием [2].

Стоит при этом отметить, что раскрывать информацию о нефинансовых рисках с 2021 г. придется не только компаниям, которые привлекают финансирование, но и самим финансовым институтам. В ноябре 2019 г. в ЕС был принят Регламент 2019/2088 о раскрытии информации, связанной с устойчивостью, в секторе финансовых услуг (Регламент SFDR). Регламент устанавливает обязательства по раскрытию информации о рисках устойчивого развития для управляющих активами и финансовых консультантов.

Регламент, имеющий прямое действие в ЕС, вступил в силу в марте 2021 г. Согласно документу все продукты должны быть разделены на устойчивые и нет, и к первым будут предъявляться дополнительные требования. С 2022 г. критерии раскрытия

информации и определения рисков будут конкретизированы. Принятие Регламента существенно изменит ландшафт современного ответственного финансирования. Компаниям потребуется не только раскрыть информацию о том, как они сейчас оценивают нефинансовые риски, но и привести существующие системы в соответствие с Регламентом. Данные меры позволят повысить прозрачность рынка ответственного финансирования, а также снизить риски обвинения финансовых организаций в гринвошинге. Вышеназванные инициативы, тренды и принятые законодательные акты в сфере раскрытия информации для стимулирования ответственного финансирования указывают на существенное изменение отношения компаний и государств по всему миру к тематике ответственного финансирования, переход от общечеловеческого понимания о необходимости социального развития и защиты окружающей среды к конкретным показателям и рискам, которые необходимо достичь и нивелировать [1].

В России в настоящее время стандарты ответственного финансирования только начинают внедряться финансовыми компаниями. В аналитическом отчете WWF 2020 г., в котором рассматривалось 22 банка, работающих в России, было отмечено, что только у одного из них в списке есть секторальные политики ответственного поведения. Ни у одного из банков нет методики измерения углеродного следа портфеля, но при этом все организации готовят ежегодные отчеты и включают отдельную информацию об учете социальных и экологических аспектов в деятельности компании. Данный обзор наглядно демонстрирует текущую ситуацию с ответственным финансированием в России. Существует общее понимание о необходимости развития этого рынка, но отсутствуют регламентация и критерии такого финансирования.

В 2018 г. Минэкономразвития России был подготовлен проект «О публичной нефинансовой отчетности», который

направлен на введение обязательной отчетности по нефинансовым рискам для публичных компаний. В настоящее время законопроект не внесен в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации. Стоит также отметить, что критерии ключевых (базовых) показателей публичной нефинансовой отчетности в соответствии с законопроектом должно было подготовить правительство Российской Федерации. И хотя данный подход соответствует практике других стран, в том числе ЕС, отсутствие отсылки к существующим международным стандартам в законопроекте и необходимости гармонизации с ними базовых показателей вызывает обеспокоенность. Такие стандарты касаются в том числе вопросов публичного информирования об углеродном следе предприятия (и методологии его определения), системы проверки контрагентов предприятий по нефинансовым рискам и др.

Таким образом, стандарта раскрытия информации компаниями сегодня в России не создано. В марте 2021 г. было принято Положение Банка России от 27 марта 2020 г. № 714-П «О раскрытии информации эмитентами эмиссионных ценных бумаг», которое вступит в силу с октября 2021 г. В Положении предусматривается, что в проспект эмиссии по усмотрению эмитента может быть включена информация о «показателях, отражающих результаты деятельности организации в части социальной ответственности и устойчивого развития»¹. При этом эмитент имеет право использовать любые методики для раскрытия информации, а также не раскрывать информацию по отдельным нефинансовым рискам по своему усмотрению. Справедливо при этом отметить, что принятие Положения является частью работы правительства Российской Федерации, Банка России и ВЭБ.РФ по формированию национальной таксономии зеленого финансирования. Однако в настоящее время в публичном доступе не имеется

данных о критериях оценки устойчивости проектов и финансовых инструментов, а также в отношении раскрытия информации. Сегодня сложно сделать вывод о соответствии национального регулирования международным практикам в части раскрытия информации. Стоит также обратить внимание, что правила таксономии будут касаться только эмитентов устойчивых финансовых инструментов. На иные предприятия, привлекающие финансирование, в том числе кредитование, такие правила распространяться не будут.

Кроме того, сами правила не будут устанавливать для финансовых организаций критерии ответственности проектов по аналогии с регламентом ЕС. Стоит отметить, что в 2020 г. в отношении финансовых организаций было разработано два рамочных документа, призывающих к ответственному финансированию. В июле 2020 г. были опубликованы Принципы ответственного инвестирования Банка России, которые во многом повторяют Принципы PRI ООН². Принципы были приняты в форме информационного письма и не являются обязательными к применению финансовыми организациями. Кроме того, они не закладывают рамок для стандартизации раскрытия информации об устойчивости финансовых продуктов, к оценке нефинансовых рисков. Другой документ – Меморандум о принципах ответственного финансирования³ – был разработан ВЭБ.РФ в рамках председательства в ММС БРИКС и подписан в ноябре 2020 г. институтами развития БРИКС. Он также задает общую рамку для создания в организациях системы оценки нефинансовых рисков.

Представляется, что для развития в России ответственного финансирования требуется формирование законодательства, которое повысит прозрачность деятельности компаний и самих финансовых организаций. С учетом того, что россий-

¹ URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/73910469/>

² URL: https://www.cbr.ru/statichhtml/file/59420/20200715_in_06_28-111.pdf

³ URL: <https://brics-russia2020.ru/images/114/87/1148788.pdf>

ские компании вынуждены соблюдать требования европейских контрагентов и кредитных организаций, такое развитие должно осуществляться с учетом уже созданных и создаваемых международных стандартов ОЭСР, GRI, МСФО, TCFD и др.

Список литературы

1. Голубев А. П. Социально ответственные инвестиции в зарубежной практике применения // Инновации и инвестиции. – 2018. – № 6. – С. 37–41.
2. Соболева О. В., Стешенко А. С. «ESG-факторы» как новый механизм активизации ответственного инвестирования и достижения целей устойчивого развития // Устойчивое развитие: вызовы и возможности : сборник научных статей / под ред. Е. В. Викторовой. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2020. – С. 246–255.
3. Awaysheh A., Heron R. A., Perry T., Wilson J. I. On the Relation between Corporate Social Responsibility and Financial Performance // Strategic Management Journal. – 2020. – Vol. 41 (6). – P. 965–987.
4. Camilleri M. A. Socially Responsible and Sustainable Investing // Corporate Sustainability, Social Responsibility and Environmental Management. – Switzerland : Springer Nature, 2017. – P. 61–77.
5. Cappucci M. The ESG Integration Paradox // Journal of Applied Corporate Finance. – 2018. – Vol. 30 (2). – P. 22–28.
6. Chen H.-Y., Yang S. S. Do Investors Exaggerate Corporate ESG Information? Evidence of the ESG Momentum Effect in the Taiwanese Market // Pacific-Basin Finance Journal. – 2020. – Vol. 63 (C). – P. 237–248.
7. Eccles N., Viviers S. The Origins and Meanings of Names Describing Investment Practices that Integrate a Consideration of ESG Issues in the Academic Literature // Journal of Business Ethics. – 2011. – Vol. 104 (3). – P. 398–402.
8. Humphrey J. E., Tan D. T. Does it Really Hurt to be Responsible? // Journal of Business Ethics. – 2014. – Vol. 122 (3). – P. 375–386.
9. Salerno D. ESG Criteria in Alternative Investments // Gangi F. et al. The Evolution of Sustainable Investments and Finance. Theoretical Perspectives and New Challenges. – Palgrave Macmillan, 2021. – P. 59–99.
10. Wendt K. Positive Impact Investing: A New Paradigm for Future Oriented Leadership and Innovative Corporate Culture // Wendt K. (ed.) Positive Impact Investing A Sustainable Bridge Between Strategy, Innovation, Change and Learning. – Springer, 2018. – P. 1–26.

References

1. Golubev A. P. Sotsialno otvetstvennyye investitsii v zarubezhnoy praktike primeneniya [Socially Responsible Investment in Overseas Practice of Use]. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], 2018, No. 6, pp. 37–41. (In Russ.).
2. Soboleva O. V., Steshenko A. S. «ESG-factory» kak novyy mekhanizm aktivizatsii otvetstvennogo investirovaniya i dostizheniya tseley ustoychivogo razvitiya [‘ESG-Factors’ as a New Mechanism of Intensifying Responsible Investment and Attaining Goals of Sustainable Development]. *Sustainable Development: Challenges and Opportunities, collection of academic articles*, edited by E. V. Viktorovoy. Saint Petersburg, 2020, pp. 246–255. (In Russ.).
3. Awaysheh A., Heron R. A., Perry T., Wilson J. I. On the Relation between Corporate Social Responsibility and Financial Performance. *Strategic Management Journal*, 2020, Vol. 41 (6), pp. 965–987.
4. Camilleri M. A. Socially Responsible and Sustainable Investing. *Corporate Sustainability, Social Responsibility and Environmental Management*. Switzerland, Springer Nature, 2017, pp. 61–77.

5. Cappucci M. The ESG Integration Paradox. *Journal of Applied Corporate Finance*, 2018, Vol. 30 (2), pp. 22–28.
6. Chen H.-Y., Yang S. S. Do Investors Exaggerate Corporate ESG Information? Evidence of the ESG Momentum Effect in the Taiwanese Market. *Pacific-Basin Finance Journal*, 2020, Vol. 63 (C), pp. 237–248.
7. Eccles N., Viviers S. The Origins and Meanings of Names Describing Investment Practices that Integrate a Consideration of ESG Issues in the Academic Literature. *Journal of Business Ethics*, 2011, Vol. 104 (3), pp. 398–402.
8. Humphrey J. E., Tan D. T. Does it Really Hurt to be Responsible? *Journal of Business Ethics*, 2014, Vol. 122 (3), pp. 375–386.
9. Salerno D. ESG Criteria in Alternative Investments. Gangi F. et al. *The Evolution of Sustainable Investments and Finance. Theoretical Perspectives and New Challenges*. Palgrave Macmillan, 2021, pp. 59–99.
10. Wendt K. Positive Impact Investing: A New Paradigm for Future Oriented Leadership and Innovative Corporate Culture. Wendt K. (ed.) *Positive Impact Investing A Sustainable Bridge Between Strategy, Innovation, Change and Learning*. Springer, 2018, pp. 1–26.

Сведения об авторах

Антонина Давидовна Левашенко

старший научный сотрудник РАНХиГС, руководитель Центра Россия-ОЭСР РАНХиГС; старший научный сотрудник ВАВТ Минэкономразвития России. Адрес: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1; ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», 119285, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А. E-mail: antonina.lev@gmail.com

Иван Сергеевич Ермохин

научный сотрудник РАНХиГС, заместитель руководителя Центра Россия-ОЭСР РАНХиГС; научный сотрудник ВАВТ Минэкономразвития России. Адрес: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», 119571, Москва, проспект Вернадского, д. 82, стр. 1; ФГБОУ ВО «Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации», 119285, Москва, Воробьевское шоссе, д. 6А. E-mail: i.ermokhin@gmail.com

Information about the authors

Antonina D. Levashenko

Senior Researcher of the RANEPA, Head of the Russia-OECD Center RANEPA; Senior Researcher of the Russian Foreign Trade Academy (VAVT). Address: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 1 building, 82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; The Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 6A Vorobyovskoye Shosse, Moscow, 119285, Russian Federation. E-mail: antonina.lev@gmail.com

Ivan S. Ermokhin

Researcher of the RANEPA, Deputy Head of the Russia-OECD Center RANEPA; Researcher of the Russian Foreign Trade Academy (VAVT). Address: The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 1 building, 82 Vernadsky Avenue, Moscow, 119571, Russian Federation; The Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, 6A Vorobyovskoye Shosse, Moscow, 119285, Russian Federation. E-mail: i.ermokhin@gmail.com